Труд.- 1991.- 16 июл

Валентин Гафт: СТРАНИЧКА ИЗ НЕНАПИСАННОГО ДНЕВНИКА

Визитная карточка гостя «Труда»:
ГАФТ Валентин Иосифович. Родился в 1935 году в Москве, детство прошло в Сокольниках, на улице Матросская тишина. Отец — юрист, мать — домохозяйка. После десятилетки поступил в Школу-студию МХАТа. В кино снимается с 1956 года («Убийство на улице Данте»). Народный артист РСФСР, актер московского театра «Современник».

— Валентин Иосифович, у вас репутация человека достаточно едкого и порой даже беспощадного...

— Если бы я был беспощадный и едкий, то не дожил бы до этих дней. Вредные люди так долго не живут. Да и с чего мне быть едким? Если это из-за моих эпиграмм, о которых мне надоело уже говорить, то они пошли от веселого легкомыслия, от незнания, что за этим последует, и, быть может, от желания самовыразиться...

«Беспощадный»... С чего вы взяли? Я сам чересчур уязвимый, незащищенный человек. Я знаю, что такое боль и обида, мне и самому не всегда хорошо живется.

— Надо полагать, вы ссылаетесь на свой профессиональный опыт? Ведь прежде чем прийти в «Современник», Гафт успел поработать чуть ли не в десятке театроз: Сатиры, имени Моссовета, на Бронной...

— Вы правы, много было театров на моем веку. Но работа в них принесла мне огромное профессиональное удовлетворение и человеческое счастье. Я играл с Любовью Орловой, с Марецкой и Пляттом, с Мордвиновым... Я был первым исполнителем роли графа в «Женитьбе Фигаро». Неудобно себя хвалить, но, кажется, это была удачная работа. Во всяком случае, в театре ее вспоминают. Как раз после «Фигаро» Олег Николаевич Ефремов, которого я считаю одним из своих учителей наравне с Топорковым, Василием Петровичем Марковым, старыми мхатовцами,—пригласил меня в «Современник».

Кстати, о Ефремове. Когда он пришел впервые в Школу-студию МХАТа как преподаватель... Вы знаете, какое у меня тогда было представление об актерах? Их даже на улице нельзя было ни с кем спутать—особая порода, походка, статность, манера вести себя, одеваться. Настоящие Актеры Актерычи! Потом артист пошел другой, стал проще. «Как все». Считалось, что чем незаметней, тем лучше. В кепочке, с сигареткой, в плащике, очень похожий на своих героев. Таким был и Ефремов. Совсем обычный. Он мне напоминал моего вожатого из пионерлагеря. Я думал: «Господи, поступил во МХАТ, а попал в ученики... к пионервожатому». Никакой важности, торжественности. Я тогда еще не знал, что Ефремов понимал в жизни больше, чем мы все, вместе взятые, и что его театр станет для меня любимым.

— Однажды я услышал: «У Гафта очень несчастное лицо». Это что, печать трудного детства?

— Да нет, детство у меня было нормальное, как у всех. Я вырос в то время, когда никто ни в чем не сомневался: если ни у кого ничего нет, то и быть не должно; если враг народа, то действительно враг... Сегодня другая эпоха, дети спешат стать взрослыми, и это тоже не настоящее детство.

—А во что лично вы верите сегодня?

— Я до сих пор не разуверился в людях, с которыми каждый день общаюсь. Для меня зрительный зал, например, всегда прекрасен. Эти люди замечательны уже тем, что они пришли в театр на меня посмотреть. Я стараюсь для них, они слушают меня. Это спасает. Я верю в людей, живущих здесь. Хотя, конечно, я вижу и на улицах, и по телевизору, как видят все, кошмарные лица, слышу призывы к насилию — омерзительные, человеконенавистнические. Когда я слышу, что чуть ли не на пятьдесят человек приходится один убийца, становится жутко... Но я все равно верю в свой народ.

Я видел людей, которые хотят бежать из страны, даже не задумываясь, будет ли им хорошо там, за рубежом. Трагизм сегодняшнего дня в том, что покидают родные места люди, которые сперва поверили и поддержали перестройку. Им дали надежду, но ничем не подкрепили ее. Сейчас организовывают в Израиле какой-то театральный центр, туда уехали Валя Никулин, Миша Козаков... И меня звали, но я отказался. Знаете, меня давно из страны «выдворяют». Еще лет десять назад говорили, что я уезжаю. Помню, снимался в «Гараже», прибегает Рязанов и начинает кричать: «Валя, как тебе... как вам не стыдно! Я снимаю такую картину, а вы подали документы об отъезде! Вы понимаете, чем все это кончится?» Я был потрясен, я это о себе слышал впервые. Я понимал, что фильм, и без того очень уязвимый, из-за такого могли закрыть, и только сказал: «Эльдар Александрович, вам потом будет стыдно. Это гнусные сплетни». Рязанов-то поверил, а слух-то пошел. Ко мне люди боялись подходить. Это жутко, когда тебя сторонятся, не дают работу, в чем-то без конца подозревают. Ты же не можешь без конца кричать, что это ложь, всем и каждому доказывать, что и не думал уезжать!

Что же касается решивших эмигрировать, то не мне их судить. Человек есть человек, у каждого свои принципы и мораль. Кому-то может надоесть терпеть и страдать ради недосягаемых идеалов. Живем-то все-

го один раз. Я видел людей, которые на вопрос «Зачем ты едешь?» отвечали: «Пивка попить!». Что же это за страна, в которой даже пива кружку выпить нельзя, приходится эмигрировать? А если и продается импортное пиво, то 25 рублей банка. Да лучше бы его не было вовсе!

Конечно, легко обвинять людей в животном инстинкте, желании сытно поесть да вкусно попить. Но я уверен: никакого оттока из страны не было бы, если б наше руководство хоть что-то делало практически, хоть какой-то выход из тупика указало. А когда ты видишь, что тебя ежедневно обманывают, то любое терпение может иссякнуть. И в том не вина людей. Да наш народ любой мало-мальский ход, лаз вмиг бы расширил и тоннель бы прорубил, а там — свет!

— Значит, вы верите в это?

— Я же вам говорил: я так устроен. Понимая все ужасы нашей действительности, я сознаю, что в другом мире жить не смогу. Потому что здесь — мое. Отказавшись, потеряешь все. Надо выбирать: или банка пива и пятиминутное удовольствие, или вся жизнь. Я выбираю второе.

— У меня такое ощущение, что вы должны вести дневник.

— Я для этого слишком ленивый человек. Вот рассказал вам — считайте, что это страничка из ненаписанного дневника.

— А как же ваши стихотворения, эпиграммы?

— Уже несколько лет не пишу и не хочется. Вышла у меня книжица, но это все в прошлом, неинтересно, начисто ушло. Другим занят. Много работы.

— Я успел убедиться, что у вас бешеный ритм: съемки, репетиции, спектакли... Вы еще задаетесь вопросом: ради чего все это? Или время искания смысла жизни окончательно прошло?

— Ритм диктует потребность. Мне так интересно жить.

— А желания остановиться и отдохнуть не возникает?

— Скоро будет пауза. В июле заканчиваю очередную картину и возьму большой перерыв. Отпуск и — никаких работ!

— В каких человеческих слабостях вы, Валентин Иосифович, не можете себе отказать?

— Люблю вкусную еду, хотя часто приходится питаться всухомятку. Жена у меня хорошо готовит, и если она не на гастролях (Алла великолепный музыкант, виолончелистка), то я блаженствую за столом. Люблю, когда в квартире чисто, хотя я сам для этого делаю немного. Зато жена всегда умеет создать в доме праздник.

Еще у меня была мечта: солнечный день, большое открытое окно, стол с белой скатертью, цветы... И вот теперь я живу в доме, где все это есть. Это раньше я не обращал на подобное внимание, думал: можно жить и на вокзале, на раскладушке. Наверное, можно, живут и так люди. Но лучше, чтобы у всех были окна, столы, скатерти и цветы...

Еще мне нравится... ездить за границу. Помимо всяких исторических мест и музеев, в которых, кстати, мы проводим гораздо меньше времени, чем в магазинах, люблю смотреть на людей на улицах, видеть другую жизнь. Не удивляйтесь, это то, чего у меня долгое время не было. Я ведь одиннадцать лет по непонятным причинам был невыездным. Хотя, впрочем, по понятным...

Помню, театр должен был ехать на гастроли в Швецию и Норвегию, и нам буквально в аэропорту сказали: «Гафт и еще несколько человек должны остаться». К чести «Современника», труппа заявила: или все, или никто. Самолет улетел пустым.

Или, например, в 1985 году снимался в Ленинграде в картине «Контракт века». Съемки частично должны были проходить в ФРГ. И вот, представьте, вся съемочная группа улетает в Германию, а я, из-за которого они, собственно, летят туда, остаюсь здесь. Меня доснимали потом в каком-то туалете в номере ленинградской гостиницы...

Когда режиссер фильма Муратов спросил, почему меня не пустили, сотрудник КГБ сказал: «У Гафта в анкете все чисто, но решение по нему принимали так высоко...» Смешно! Кому я нужен там, «высоко»?

Я написал после этого письмо Горбачеву и Чебрикову, но разорвал. Стыдно...

Беседу вел
Андрей ВАНДЕНКО.

МОСКВА.